ЖУРНАЛ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ №4/2011

МЕТОДОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ В ОТКРЫТОМ ОБЩЕСТВЕ

В. А. Бунько

Предложены методологические регулятивы, такие как конструктивный рационализм, янусианская установка, теория как завершенный образ и др. Выполнена рациональная реконструкция предмета и метода экономической теории. Предложена концепция жесткого ядра и теорий защитного пояса как способа выживания экономикс. Сделаны предложения по улучшению структуры учебных пособий по экономической теории.

Можно привести целый список статей, содержащих острую критику неоклассической теории. Вот и Дуглас Норт говорит, что был марксистом, но не стал неоклассиком [16, с. 7]. Однако так ли уж устарела неоклассика? Возможна ли ее модификация? Во всяком случае, К. Поппер учил, что теорию надо защищать, чтобы знать, чего она стоит. Поэтому мы решили расширить горизонты проблемы, взглянуть на методологический аспект экономической теории со стороны, с мостика философии науки. Такой взгляд оказался полезным, он позволил по-новому увидеть привычные понятия и термины. Так, обычно используемое деление научных методов в контексте рационализм — эмпиризм, дополненное новым противостоянием реализма и конструктивизма, позволило предложить новую классификацию гипотез и теорий, различающихся методом создания. На основе моделей динамики науки Т. Куна, И. Лакатоса определено положение неоклассики в мире экономических теорий, сформировано жесткое ядро теории и сделан прогноз ее развития. Проделанный анализ подчеркивает актуальность темы, необходимость развития методологических аспектов экономической теории, прежде всего, в сторону повышения ее плодотворности.

Методология как ядро научного метода

Существуют различные определения теории, но любая теория — это целостная, развивающаяся система истинного знания, которая включает набор компонентов (элементов) и выполняет определенные функции. Структурно теория включает функции, принципы и законы, отражающие сущность предмета исследования, исходные основания и ценностные факторы, логику теории, идеализированные объекты. С функциональной точки зрения научная теория — это совокупность взаимосвязанных положений, описывающих, объясняющих и предсказывающих некоторое множество событий определенной области действительности. Поэтому теория выполняет синтетическую, объяснительную, предсказательную функции. Для экономической теории также важна практическая функция. Кроме того, теория выполняет методологическую функцию, поскольку на ее базе формируются многообразные методы, способы и приемы исследовательской деятельности. Вообще слово метод (от греч. methodos) означает в самом широком смысле слова «путь к чему-либо», способ деятельности, способ достижения какой-либо цели [2, с. 370].

Метод — это та же теория, только обращенная на предмет, расширение предмета (объекта) ставит новые теоретические проблемы, что диктует необходимость совершенствования метода, новые методы позволяют уточнить теорию и т. д. Поэтому система «предмет — теория — метод» является самодостаточной. На определенном этапе возникает необходимость координации такого взаимодействия, возникает четвертый элемент — методология, основное назначение которой — совершенствовать метод науки. Именно в таком понимании используется термин «методология» — как учение о методе, но иногда оно опускается, и говорят просто о методе. Однако тенденция современной науки такова, что методология выделяется отдельным разделом, по сути, речь идет о специальной дисциплине, описывающей или теоретически обосновывающей методы, принятые в конкретной области [2, с. 372]. «Методология — система принципов, способов построения теоретической и практической деятельности, а также учение об этой системе» [7, с. 399].

О развитии метода по мере развития науки хорошо сказал Дж. Ст. Милль: «Истины, которые в конечном счете принимаются в качестве первых признаков любой науки, в действительности являются последними результатами философского анализа, основанного на элементарных понятиях, с которыми данная наука хорошо знакома; их отношения к науке можно сравнить не с отношением фундамента к зданию, но с отноше-

ниями корней к своему дереву: они служат одинаково хорошо, если даже мы их не раскопали и не рассмотрели» [15, с. 33]. Данное высказывание подчеркивает роль базисных положений в науке, которые, являясь ее ядром, и составляют методологию. Образно методологию экономической теории можно было бы сравнить с учетной политикой организации, в которой организация заявляет о выбранных ею методах признания доходов и расходов. В научном познании также многое зависит от субъекта познания, его выбора при формировании правил-предписаний осуществления познавательного процесса, признания результатов и т. д. Так что нередко, как показывает практика, на основе одной и той же теории возникают модификации метода, зависящие лишь от субъективных моментов [2, с. 371].

Вышесказанное показывает значение методологии экономической теории, становится понятно, почему И. Лакатос увязывал прогресс научного знания с методологией. В литературе выделяются такие аспекты научного метода, как предметно-содержательный (объектно-содержательный), операциональный, аксиологический (праксеологический) [2, с. 371; 26, с. 202]. Требуется четкое обоснование этих разделов метода. Так, среди разнообразных методологических регулятивов получили признание такие, как принцип соответствия, требование объективной воспроизводимости экспериментальных данных, принцип разнообразия эквивалентных формулировок и т. д. Экономикс относится к наукам, существующим не первый год, если мы обратимся к «одному из наиболее популярному в американских колледжах и университетах» учебнику Кэмпбелла Р. Макконнелла и Стэнли Л. Брю, то увидим, что основное содержание предваряет глава под названием «Природа и метод экономикс», в которой присутствуют все названные выше аспекты научного метода [13, с. 3-17].

Характерной чертой современной науки является внутринаучная рефлексия. Традиционное направление такой рефлексии — исследование свойств объекта, дополняется новым — использованием форм и способов научного познания. Изучение трудов М. Блауга, других методологов, проведенное российскими исследователями, показывает, что по-новому ставятся вопросы, относящиеся к методологии экономической науки [8, с. 740]. Под такой методологией предлагается понимать общий взгляд на предмет, объект и метод анализа, на цели и способы построения теории, на соотношение между теорией и реальностью и т. д. Формулировка «общий взгляд» хорошо отражает суть методологии, возникает образ прожектора, в свете которого смутно очерченные проблемы становятся ясными, и становится ясным сам путь их решения. В российской традиции общественных наук было принято выделять методологию науки, опирающуюся на диалектико-исторический материализм. В современных учебниках экономической теории упоминается методология как общий подход к изучению экономических явлений. Такая формулировка более удачна, чем «общий взгляд», но и общему подходу недостает завершенности, операциональности.

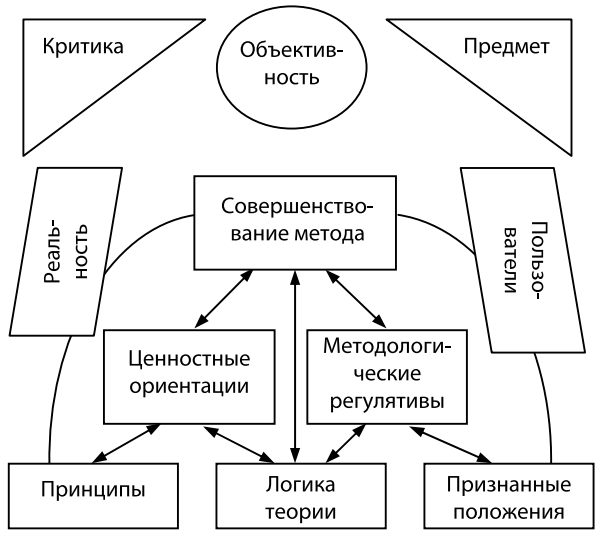

Рис. 1. *Методология экономической теории на фоне проблем*

Сейчас получает распространение такой взгляд, что объективность науки — это миф, что башни из слоновой кости больше не существует. Это, конечно, не так. Активная позиция ученого, ценностная нагруженность теории только подкрепляет объективность познания, а вот приверженность групповым интересам размывает объективность. Поэтому важно быть нейтральным, чтобы сохранить надежду послужить объективной истине. В целях продвижения к объективности и нужны методологические решения, которые помогут избежать излишней тенденциозности (рис. 1).

Методы формирования научных гипотез и теорий

В науке Нового времени имело место противостояние двух эпистемологических направлений: рационализма и эмпиризма. Исходный

пункт построения научного знания для рационалистов — идеи разума, для эмпиристов — опыт. С момента начала публикации «Курса положительной философии» (1830) Огюстом Контом (1798–1857) эмпиризм выступает под флагом позитивизма. Проблема позитивизма — это проблема, поставленная еще Давидом Юмом (1711–1776), суть которой в обосновании причинно-следственной связи, и проблема индукции, поскольку опыт не выше закона. В развитии позитивизма выделяют этапы [25]: первый позитивизм (Конт, Спенсер, Милль), второй позитивизм (Мах, Дюгем, Пуанкаре), неопозитивизм (логический позитивизм).

В связи с новыми открытиями в физике на рубеже XIX-го и XX-го вв. утрачивает свое значение корреспондентская (соответствия) теория истины, возникают, с одной стороны, различные версии реалистов-реформаторов, с другой — конструктивизм, согласно которому теории изобретаются. Новые реалисты ищут необходимую связь между утверждениями науки и объективной реальностью, признавая, что это лишь «цель и притязания» науки, понятие реальность — просто «вера в возможность истинного знания» [25, с. 198]. Конструктивизм испытал влияние прагматизма, инструментализма, в эпистемологии он далеко ушел от Канта, неокантианцев и ставит задачу не о познании, а о создании определенных конструкций, имея в виду, в частности, виртуальную реальность в информационном обществе [12, с. 8]. В результате возникает новая оппозиция: конструктивизм против реализма.

Получается, что из противостояния «рационализм — эмпиризм» и «реализм — конструктивизм», взятых вместе, следуют четыре типа гипотез и теорий, различающихся своим происхождением. Это эмпирические реализм и конструктивизм, рационалистические реализм и конструктивизм. А. Н. Липкин, приводя данную классификацию, отдает предпочтение (для целей методологии физики) рационалистическому конструктивизму, но считает возможным использование и метода рационалистического реализма. В экономической науке используются, по-видимому, все четыре варианта. Рассмотрим, в чем суть названных методов.

1. Эмпирический реализм. Джон Стюарт Милль (1806–1873) — экономист, логик, общественный деятель; лидер первого позитивизма. При знакомстве со взглядами Конта, выступившего против теологического и метафизического мышления, Милль был поражен совпадением в «направлении их независимых усилий». Его система логики, как и подход Конта, содержала такие методы, как наблюдение, обобщение, типизация, количественные измерения [15, с. 8]. Милль в своей логике исходил из единообразия природы, поэтому пытался решить проблему Юма, совершенствуя индукцию, он ограничивал дедукцию, не доверяя гипотезе. Философ не уходил от анализа причинно-следственных связей, он полагал, что единичного наблюдения достаточно для их установления, отождествляя позитивный метод и метод индукции. Однако в природе действует сложное переплетение различных факторов, поэтому ученый ставит задачу разложения сложного явления на простые единообразия, обосновывая методы сходства, различия, остатков, сопутствующих изменений.

Целью научного исследования, считает Милль, является познание законов причинно-следственных связей, это задача прямой индукции, но для построения научной теории нужно из комбинации основных законов, дедуктивно подчиняющих все остальные, дедуцировать проверяемые следствия. Цель дедукции — установить, к каким следствиям приводят различные сочетания законов, и по результатам испытания отобрать комбинацию законов, обеспечивающую максимально общую область объяснения и предсказания. Комбинаций законов, и тем самым теорий, может быть много, окончательный выбор из них производится по результатам эмпирического испытания.

Таким образом, метод эмпирического реализма как путь к теории можно представить так: «наблюдение → индуктивное обобщение → формирование законов → выбор более продуктивной комбинации законов → эмпирическое испытание».

Теория выдерживает тест, если из её законов выводятся законы непосредственно наблюдаемых причин и следствий (пример: теория Кеплера дедуктивно следует из теории Ньютона) [21, с. 203].

2. Эмпирический конструктивизм. Чарльз Сандерс Пирс (1839–1914) — философ, логик, физик, создатель (одной из версий) прагматизма. Пирс прекрасно знал труды Милля и, можно сказать, завершает его идею о формировании теории непосредственно на основе фактов. Правда, индукцию Пирс вообще выносит из контекста

теории, индукция у него завершает метод, и вводит гипотезу. Гипотеза для Пирса тождественна абдукции, точнее, процесс вывода гипотезы, исходя из анализа фактов, он называет абдукцией. Модель абдуктивного рассуждения такова: наблюдается факт С; если А истинно, то С естественно; есть, таким образом, основания полагать, что А истинно [23, с. 293]. Абдукция законна, если (и только если) выдвигаемая гипотеза 1) объясняет аномальный факт; 2) есть самая простая (не существует оснований для принятия какой-либо альтернативы); 3) готова к испытанию в опыте [21, с. 257]. (Процедура абдукции рассмотрена нами в работе [5]).

Пирс использует выражение «наши теории и верования», поэтому модель порождения гипотез и теорий можно представить следующим образом:

«сомнение → план исследования → получение данных → анализ фактов и поиск единообразия → гипотеза, как причинное объяснение → подтверждение гипотезы → теория как новое верование».

Пирс ушел от жесткой индуктивной схемы Милля, но еще большую степень свободы в формировании теории позволил себе второй позитивизм. Открытия в естествознании в последней трети XIX в. породили «новую волну вопросов»: что такое сила, масса, время, пространство, причинность, законы природы и т. д.

Эрнест Мах (1838–1916), лидер второго позитивизма, считает, что теория содержит значительный элемент изобретения. Мах почерпнул у экономистов идею экономии мышления. «Самое экономное и простое выражение фактов через понятия — вот в чем оно (естествознание) признает своей целью» [25, с. 85]. Реальность вещей нам недоступна, замечает уже другой лидер второго позитивизма, Пьер Дюгем (1861–1916), но на установление реальности связей ученый рассчитывать может, если разработает их «естественную классификацию». Ученый считает правильной теорией ту, которая наиболее удовлетворительным образом выражает группу экспериментально установленных фактов. Объяснения атомистов, картезианцев, ньютонианцев будут разными, говорит Дюгем, так не лучше ли следовать критерию экономии мышления. Этому принципу можно подчинить описательную часть теории, и «только интуиция, указывающая форму подлежащей обоснованию теории, направляет выбор» [21, с. 90]. Дюгем придает большое значение таким методологическим регулятивам, как требования гармонии, красоты, простоты научной теории. То есть Дюгем идет как бы от обратного: чем более совершенна внешне теория, тем более она есть отражение порядка онтологического, тем больше мы предчувствуем, что связи, которые она устанавливает между данными наблюдения, соответствуют связям, существующим между вещами [25, с. 89].

Таким образом, если первый позитивизм в лице Милля стремился к отображению в научной теории реальности как она есть, то второй позитивизм на первый план ставит задачи лучшего, эффективного (экономного) описания явления. Ч. Пирс также находит возможным конструирование теории как лучшего отражения реальности. Методология Пирса отличается от второго позитивизма, но в обоих случаях мы имеем дело с эмпиризмом и с элементами конструктивизма. Сам Пирс считал свой научный метод позитивным, но он еще и прагматист, а значит, и реалист.

3. Рационализированный реализм. В 1920–1950 гг. под влиянием неопозитивизма был сформирован «общепризнанный взгляд» на науку, но он не устоял под огнем критики (К. Поппер, Л. Витгенштейн, У. Куайн). В 1951 г. Куайн публикует статью «Две догмы эмпиризма», своего рода манифест постпозитивизма [23, с. 595]. Рудольф Карнап (1891–1970), один из лидеров логического позитивизма, в свое время подверг критике Милля за его переход от индукции к дедукции, но не по схожему ли сценарию шли сами логические позитивисты? Во всяком случае, Поппер находил абсурдным переход от сингулярных высказываний к универсальным. Поздний Карнап все-таки признает, что с помощью индуктивного обобщения опыта можно подойти только к эмпирическому закону, но теоретические законы не могут возникнуть как результат наблюдения, это может быть только гипотеза.

Но это уже «другие» гипотезы. Здесь уместно привести высказывание А. Эйнштейна. В одном из писем К. Попперу он отмечал: «Я думаю (подобно Вам, между прочим), что теория не может быть получена из результатов наблюдений, но может быть только изобретена [25, с. 191]. Поэтому можно сказать, что гипотезы и теории эмпирического толка — это гипотезы «снизу», поскольку они вытекают из обобщений фактов, а гипотезы и теории рационализированного реа-

лизма — это гипотезы «сверху», поскольку они изобретаются.

Карл Раймунд Поппер (1902–1994) — один из видных философов Европы XX в., разработал концепцию критического рационализма, в основе которой идея фальсификации. Его труд «Логика научного открытия» (1934) является классикой философии науки.

Поппер стремится к объективной истине, для него гипотеза — также причинное объяснение, но он осознает относительность наших знаний, поэтому для него важен сам процесс, процесс обновления научного знания. Отсюда то большое значение, которое Поппер придает критике и возможному опровержению гипотез и теорий. К. Р. Макконнелл, С. Л. Брю используют выражение «тестирование теорий», которое, конечно же, ближе к подкреплению Поппера, чем традиционному подтверждению. Гипотезы для него — психологическая проблема, не подлежащая рациональной реконструкции. Поппер отводит теории активную роль, это проявляется уже в выборе исходного пункта, таким исходным пунктом служит проблема.

Общий метод Поппера таков: «проблема — причинное объяснение — критика — подкрепление теории — опровержение теории — новая проблема».

Отличие метода рационализированного реализма от других проявляется и в понимании содержания и целей научного исследования. Проблему, как известно, следует вначале правильно поставить и только затем найти решение, поэтому в методологии Поппера наблюдается движение по направлению к прагматизму и конструктивизму.

4. Рационализированный конструктивизм. Параллельно позитивизму разрабатываются и другие направления методологии науки, к которым можно отнести и французские версии неорационализма (Л. Брюнсвик, Э. Мейерсон, Ф. Гонсет, Г. Башляр) [20 с. 623–683]. Швейцарский философ и математик Фердинанд Гонсет (1890–975), один из лидеров неорационализма, считает, что новая научная методология возможна лишь через снятие классических оппозиций, в том числе оппозиции рационализма и эмпиризма. Открытая методология Гонсета — это «открытость опыту», разум не нуждается в каком-либо внешнем, в том числе опытном, обосновании, опыт не обосновывает, а заставляет «пересматривать». Гастон Башляр (1884–1962) доказывает, что «эмпирический реализм» не способен переварить факт искусственной объективной реальности. По убеждению Башляра, современная наука ориентирована на динамику, а не на статику, на структуру (отношения), а не на сущности (элементы), новое всегда появляется не «вследствие», но «вопреки». По мере развития (по)знание становится менее «естественным» и более «искусственным», считает философ, «реальное — не более, чем реализация» [23, с. 663-669].

Лидеры постмодернизма вырабатывают собственную цельную модель видения реальности. Феномен смысла в трактовке постмодернизма — продукт конструирования, интеллектуального производства [23, с. 838]. Французский философ Жан-Франсуа Лиотар (1924–1998) «первым эксплицитно обосновал ситуацию постмодернизма в философии». Согласно Лиотару, «не существует абсолютной истины, этого постулата, объединяющего догматизм и скептицизм, истина определяется в процессе становления как ревизия, коррекция и преодоление самой себя, и этот диалектический процесс всегда протекает в лоне живого настоящего» [23, с. 884].

Экономика — инерционная система, поэтому ударение на конструктивизме выглядело бы слишком самонадеянным. Название методологии «конструктивный рационализм» представляется более удачным, чем основанное на другом порядке слов «рационализированный конструктивизм». Впрочем, возможно еще одно название метода — «конструктивный реализм», имея в виду теории реформированного реализма. Образно можно представить реформированную реальность как находящуюся между той реальностью, которая еще не познана, и новой, «рукотворной» реальностью, поэтому «реформированный реализм» означает не только точку на линии «реализм — конструктивизм», но и подразумеваемую связь этой точки с рационализмом.

Возьмем, к примеру, подход Хилари Патнэма (р. 1926) — крупнейшего представителя постаналитического этапа аналитической философии. Патнэм, будучи учеником Карнапа, на первом этапе выступает с реформированной версией логического позитивизма, восстанавливает в правах референцию Г. Фреге, отвергнутую лингвистической философией. То есть, значение привязывается к определенному объекту, а смысл может меняться. Например, в любой те-

ории денег золото — это драгоценный металл, что составляет существенную информационную характеристику. Такая методология получила развитие в 1970-х гг. в работах «целого ряда других представителей аналитической философии». Однако позже философ признает, что истина как понятие не имеет иного содержания, кроме правильной применимости суждений.

Что же это означает? Возрождение идеи «языкового каркаса» Карнапа или подчинение концепции «языковых игр» Л. Витгинштейна? Ведь еще недавно Патнэм возражал Попперу, когда тот определял истину как соответствие высказываний фактам: «Если истинность суждения сводится к языковой практике, то отпадает необходимость в какой-либо концепции истины». Дело, видимо, не только в «лингвистическом повороте» философии XX в., но и в новом понимании реальности. Оказывается, реальностей может быть много: предполагаемая, измеренная и т. д. Поэтому и «истина так же плюралистична, неоднозначна и незамкнута, как и мы сами». Далее Патнэм разрабатывает концепции «внутреннего реализма», «идеальной рациональности», «естественного реализма». Философ видит проблему в том, что все когерентные и прагматические теории истины неизбежно ведут к релятивизму. Многие философы допускают релятивность знания, но отвергают эпистемологический релятивизм, понимаемый как произвольность в выборе теорий. Поэтому новый подход философа отличает сближение со здравым смыслом повседневного опыта и отказ от сложных философских объяснений. Роль философии сводится к прагматической коммуникации с целью снятия общественных противоречий [20, с. 615-623]. В этом он приближается к концепции Ю. Хабермаса о рациональных коммуникациях, восходящей, в свою очередь, к критическому рационализму в открытом обществе К. Поппера.

Особенности оценки гипотез и теорий

К. Р. Макконнелл, С. Л. Брю ранжируют теории по степени признания: «научные гипотезы — теории — принципы и законы — модели». Научные гипотезы требуют своего подтверждения. Теории уже опробованы, но процесс тестирования еще продолжается. Теория, показавшая высокую степень своей пригодности, прогнозной точности, универсальность применения и «даже нравственную справедливость», приобретает статус принципа или закона. Модель — упрощенная картина действительности, представленная в виде совокупности нескольких принципов [11, с. 8].

Каковы же критерии оценки гипотез и теорий? По мнению Т. Куна, научная теория должна отвечать следующим требованиям [24, с. 38].

1. Точность: согласие с результатами существующих экспериментов и наблюдений.
2. Непротиворечивость: как самой с собой, так и с другими теориями близких отраслей.
3. Плодотворность: широта применения.
4. Простота: внесение порядка и ясности в явление, в спутанную совокупность.
5. Новизна и перспектива: теория должна раскрывать новые явления и соотношения, ранее оставшиеся незамеченными, среди уже известных, открывать новые горизонты использования.

Однако могут ли быть предъявлены одни и те же критерии ко всем гипотезам и теориям? Конечно, независимо от используемой методологии, любая теория должна быть точной, непротиворечивой, простой и вносить ясность. Для любой теории применим критерий экономии мышления, предложенный еще Э. Махом. Собственно, этот критерий может быть использован и в составе методологических правил-предписаний научного метода, как на это указывается философами [2, с. 371].

Проблемы возникают при соизмерении теорий по таким разнородным критериям, как степень новизны и плодотворность. Немецкий философ, социолог, экономист Ганс Альберт (р. 1921), последователь критического рационализма Поппера, убежден, что в основание методологии следует положить концепцию «правдоподобия», а в познавательных процедурах следует различать:

— ориентацию на знание как достигаемый результат, когда его наделяют статусом достоверного для данной проблемной (познавательной) ситуации;

— ориентацию на знание как процесс беспрерывного движения к истине, что предполагает постоянную критику знания как достигнутого результата, подлежащего дискредитации (фальсификации) [23, с. 684].

Такое различие ориентаций познавательного процесса как раз и обнаруживается в различии путей к теории. Гипотезы и теории эмпирического толка ориентированы на открытие истины,

углубление знаний об объекте; другие в большей мере нацелены на решение проблем и регулирование практической деятельности.

К эмпирическому закону приходят на основе индуктивного обобщения. Задача состоит в том, чтобы включить собранную систему фактов в какую-то концептуальную систему, чтобы придать им смысл и значение [26, с. 110]. В истории экономической науки немало примеров этого. М. Фридман и А.Шварц анализировали историю денежного обращения в США за 1867–1960 гг., что «пролило свет на существующую взаимосвязь между изменением темпов роста денежной массы и точками экстремумов в деловом цикле» [6, с. 244]. Д. Норт и Дж. Уоллис определили динамику трансакционных издержек в экономике США за 1870–1970 гг. [19, с. 255]. Расширение трансакционного сектора Д. Норт и Дж. Уоллис интерпретируют как «структурный сдвиг первостепенной важности», обосновывая существование эффективных институтов как условие успешного и быстрого развития экономики страны. Такие научные результаты являются правдоподобными. Как показал Людвиг Витгенштейн (1889–1951), касаясь вопроса об индукции, форма жизни не может иметь ни логического, ни эмпирического обоснования, ее обосновывает тот факт, что она существует [25, с. 137]. Гипотезы и теории эмпирического конструктивизма, имеющие целью объяснение реальности и явлений, должны найти свое подтверждение: факты — эмпирические законы — гипотеза — подтверждение.

Гипотезы и теории рационализированного реализма также могут быть подтверждены, но скорее всего они фальсифицируются: проблема — гипотеза — опровержение. Кроме того, гипотезы и теории рационализированного реализма направлены на решение проблем, поэтому применим и такой критерий оценки, как «прогрессивный сдвиг проблем». Гипотезы и теории конструктивного рационализма имеют наиболее сложную методологическую основу. Здесь и открытие нового, и решение проблем, и создание образцов. Основной критерий их оценки — плодотворность, практическая значимость. Использование критерия роста содержания теории П. Фейерабендом ставится под сомнение [257, с. 308].

Ко всем гипотезам и теориям применим критерий лучшего описания (полнота учета взаимодействующих элементов теории, логически выверенная последовательность причин и следствий и т. д.), но и здесь возникают свои особенности. Конечно, гипотезы и теории могут содержать оговорки «при условии, что…»; «если…, то…». Казалось бы, можно отдать предпочтение моделям, в которых меньше содержится подобных оговорок, но главное здесь в самом факте их наличия и оценке. Если дополнительные условия нереальны, то и саму гипотезу следует признать ложной. Поппером была предпринята попытка оценки теорий по степени «ложности», но эта попытка не увенчалась успехом.

Иногда непротестированные гипотезы встраиваются в различные теории и модели. Конечно, экономика в целом «не лаборатория для экспериментов», поэтому возникают сложности с оценкой таких теорий и моделей, хотя локальные эксперименты и проводятся. Допустим, подкрепление (подтверждение) получено. Значит ли это, что все гипотезы и теории, входящие в модель, являются истинными? Ведь подтверждение может выражаться разным значением экономических показателей, может случиться так, что ложная гипотеза как раз явилась причиной неполучения должного эффекта. Поэтому только с определенными оговорками и применительно к конкретной ситуации такие гипотезы могут быть признаны правдоподобными.

Вопрос использования в практике неподтвержденных гипотез и концепций — это вопрос политики. В науке его можно преодолеть через конвенциализм, допускаемый многими философами, в частности, в отношении исходных положений, стандартов. Правда, Г. Альберт предупреждает о «догматическом рационализме», основанном на произвольно сделанных ценностных выборах, маскирующих идеологию. Такое бывает, когда преследуются узко политические цели. Поэтому познание всегда гипотетично и проблемно, никогда нельзя быть уверенным, даже тогда, когда теория разрешила поставленную перед ней проблему [23, с. 695].

Итак, существуют разные способы построения теоретического знания, разные «пути к теории». При этом обнаруживается взаимосвязь, преемственность методов. Мы отметили сходство метода Пирса с методом Милля. Во взглядах Пирса и Поппера много общего, при этом о Пирсе как о философе Поппер узнал достаточно поздно [4]. Можно привести и другие примеры, которые ставят вопрос о лучшей классификации методов. В философии науки все большее при-

знание получает идея о *снятии оппозиции* рационализм — эмпиризм. Эту идею можно реализовать, если перейти к новой классификации методов построения гипотез и теорий, учитывающей различие подходов по критерию реализм (конструктивизм). В глазах многих мыслителей данный критерий является определяющим. Каждое направление научной методологии представляют видные философы. Возможно, это Милль, Пирс, Поппер и Патнэм.

Можно ли назвать лидеров методологии по указанным направлениям в экономической теории? Исходным пунктом является методология Милля. Ранее отмечалось, что методология Милля отличалась от методологии Конта своим реализмом, и эту традицию продолжил А. Маршалл. Такое заключение делает российский философ В. А. Канке [9].

Альфред Маршалл (1842–927) — одна из наиболее выдающихся личностей в истории экономической мысли. Цели экономической науки Маршалл видел в познании взаимосвязи экономических явлений, выявлении новых фактов. Экономист должен обладать восприятием, воображением, здравым смыслом, чтобы быть в состоянии обнаружить те причины видимых явлений, которые отдалены от глаз, и представить себе те последствия видимых причин, которые отдалены или не лежат на поверхности. Подчеркивание значения воображения указывает на творческий аспект, столь необходимый, нельзя отрицать, в изобретении теории.

Экономические законы — это обобщение тенденций, характеризующих действие человека при определенных условиях [14, с. 85]. Целям познания ученый отдавал приоритет, практические цели отодвигал на второй план [14, с. 96-97]. В этом проявляется реализм Маршалла, близкий реализму Милля, но отличающийся от него той активной ролью, которую придавал науке Маршалл. Символично название книги, которую задумал ученый уже в конце жизни: «Прогресс: его экономические условия» [14, с. 13].

Российский философ В. А. Канке отмечает, что А. Маршалл далеко ушел от Милля, но не достиг неопозитивизма [9, с. 225]. При этом неопозитивизм датируется 1900–1930 гг., а на следующей странице в качестве представителей фигурируют такие имена, как Л. Витгенштейн, Р. Карнап, М. Шлик. Однако с именами Карнап, Шлик ассоциируется логический позитивизм, приходящийся на более позднее время, Венский кружок впервые собрался только в 1923 г., активно стал работать в 1925–1936 гг. Витгенштейн, продолжая дело своего учителя, Б. Рассела, занимает в философии особое место. Поэтому если и должен был чего-то достичь Маршалл, так это второго позитивизма. И это ему удалось, поскольку, как указано на предшествующей странице, «… Маршалл сумел осуществить синтез британского эмпиризма с континентальным рационализмом» [9, с. 224]. Но если имеет место синтез двух противоположностей, то это может быть обнаружено уже в другом измерении, и этим измерением является шкала «реализм — конструктивизм». Высказывание В. А. Канке косвенно подтверждает правомерность выделения обсуждаемой классификации путей к теории. Осталось обнаружить конструктивизм Маршалла, и, как нам кажется, он проявился в следующем.

1. *Синтез познавательных процедур.* Маршалл считал возможным использовать весь арсенал общенаучных методов (индукцию, анализ, гипотезу, дедукцию), причем по-разному на разных уровнях познания [14, с. 85].

2. *«Взгляд сверху».* Маршалл начинал как философ, этик, и это не могло не сказаться на его методе. Кейнс поясняет, что Маршалл мыслил глобально, принципами, общей идеей. Особое значение он придавал принципу непрерывности, а также равновесия. [14, с. 33].

3. *Графики.* Анри Пуанкаре (1854–1912) — основатель конвенционализма, считал, что нет истинной геометрии, есть только более удобная. Эйнштейн отмечает, что физик мыслит не формулами, а образами. Маршалл не считает удобным прибегать в экономике к длинной цепи дедуктивных рассуждений. Образы четко показывают смысл. В рецензии на одну из работ Маршалл писал: было бы лучше, если бы в ней была опущена математика, но сохранены графики [14, с. 21].

4. *Отказ от жестких дефиниций,* ибо всегда должна остаться какая-то грань спорной проблемы, подлежащей дальнейшему обсуждению [14, с. 110].

5. *Лучшая комбинация методов* — все приемы обнаружения связей между причиной и следствием описаны в трактатах о научном методе, отмечает ученый, но только их комбинация позволит достичь цели.

Следование таким правилам помогло ученому приходить к «лучшему описанию», что являлось целью в позитивизме Маха. В созда-

нии теории равновесной цены ярко проявился конструктивизм Маршалла, когда он не доказывает правоту одной из сторон, не отвергает теорию стоимости и предельной полезности, но творчески их соединяет, поднимаясь на более высокий уровень обобщения (теорий и фактов) («взгляд сверху»).

Таким образом, метод Маршалла отличает конструктивизм, но это только внешняя схожесть с позитивизмом второй волны. Пол Фейерабенд (1924–1994) рассказывает, что был позитивистом, но стал реалистом. Его не устраивало то, что позитивизм лишь описывал результаты после того, как они были получены, тогда как реализм был связан с фактами, принципами, методами [27, с. 169]. Маршалла такая роль также не устраивала, он созидателен, его взгляд трезв, но он хотел бы сделать жизнь лучше. Поэтому метод Маршалла — *активный реализм.*

В методологии Джона Мейнарда Кейнса (1883–1946) экономическая теория играет активную роль. Это отличает его от эмпирицистов, но не настолько, чтобы можно было его отнести к конструктивистам. В 1930-х гг. в экономической системе капитализма проявились нестабильность, анархия, что потребовало новых методов анализа и понимания взаимодействия теории и практики. Кейнс ставит проблему равенства (неравенства), инвестиций и сбережений. Впервые в истории экономическая теория должна была основываться на представлениях о неизвестном будущем [7, с. 341]. Кейнс вводит новую модель человека, формулирует основной психологический закон, отражающий взаимно зависимость доходов и сбережений. Такой подход, как кажется, хорошо иллюстрирует методологию рационализированного реализма. Здесь есть критика (других) теорий, проблема, поиск причинного объяснения, формирование путей решения проблемы. Вот как сам Кейнс описывает элементы своей методологии [9, с. 226]:

— экономическая теория — это «ветвь логики», образ мышления;

— прогресс экономической теории состоит в улучшении выбора моделей;

— статистические данные необходимы для проверки релевантности и обоснованности моделей;

— модель отделяет относительно неизменные факторы от преходящих;

— модель позволяет анализировать конкретные экономические ситуации;

— поскольку экономическая теория руководствуется интроспекцией и ценностными суждениями, то она является моральной наукой.

В методологии Кейнса ощутимо влияние второго позитивизма, это проявляется в его опоре на модели, но его модели не предзаданы фактами, а моделируют будущее. Однако будущее строится на уточнении существующей реальности, вот почему методология Кейнса — это методология *рационализированного реализма.*

Таким образом, пути к теории в экономической науке имеют свои особенности. Центр тяжести смещается в сторону эмпиризма и реализма. Выстраивается следующая последовательность в развитии методологии формирования гипотез и теорий: Милль (эмпирический реализм) → Маршалл (активный реализм) → Кейнс (рационализированный реализм).

Мы рассмотрели основную канву развития методологии, но существуют различные модификации методов, разные школы. Поэтому при характеристике методологии тех или иных экономистов нужно более точно указывать их философские предпочтения. Так, в одном издании указывается на позитивизм и инструментализм М. Фридмена, но не поясняется, какой позитивизм имеется в виду (основных направлений три). Под инструментализмом нередко подразумевается прагматизм или операционализм, которых также существует несколько школ. Назовем некоторые из них.

Известный на Западе философ Б. ван Фраассен, признавая правоту Юма, выступил с идеей «конструктивного эмпиризма», согласно которому научная деятельность заключается в конструировании моделей, которые должны быть адекватны явлению. Философ вводит понятие «эмпирической адекватности», под которой понимается совпадение эмпирических проявлений теоретической модели явления и самого явления.

Итак, объяснительные гипотезы конструктивного эмпиризма признаются истинными при совпадении с опытом. Это похоже на гипотезы ad-hoc, выдвигаемые для объяснения явления и не имеющие высокого статуса. Но как быть в тех случаях, когда подобная теория предусматривает все возможные варианты развития события? Ведь такие теории нефальсифицируемы. Так, психоанализ Фрейда для Поппера — не наука, поскольку он всегда подтверждается. Или, например, Эдипов комплекс проявляется,

или он вытеснен в область бессознательного. Другое дело — научная теория, которая может быть несовместима с некоторыми возможными результатами наблюдения («фактами») и, следовательно, может быть фальсифицируема [19, с. 641]. Однако многие ученые оценивали теорию Фрейда как отвечающую критериям научности. Сам Зигмунд Фрейд мог бы признать, что некоторые сновидения не могут быть увязаны с событиями жизни, вплоть до детства, тогда учение было бы фальсифицировано, но он не сделал этого. Может быть, здесь и не нужен критерий фальсификации? Ведь теория работает и, может быть, действительно достаточно критерия адекватности? Выход нашел Ю. Хабермас, согласно которому психоанализ — это не естественная наука, а скорее довольно «глубокая герменевтика», которая пытается понять смысл искаженных «текстов» (невротических симптомов, сновидений и т. д.) [22, с. 645].

Конструктивный эмпиризм как общий путь к теории существовал, видимо, и ранее, и его следует отличать от эмпирического конструктивизма. Такие теории конструктивного эмпиризма являются локально истинными, если адекватны явлению. Однако если результаты локального исследования распространятся на большую совокупность, то возникает проблема дополнительного подтверждения. Объяснительные модели конструктивного эмпиризма могут быть опровергнуты самим временем, как это произошло с конструктивным (конструктивистским) эмпиризмом К. Маркса. Эмпирический базис меняется, теория перестает соответствовать реальности.

Джон Дьюи (1859–1952) — американский философ, систематизатор прагматизма, создатель школы инструментализма. Дьюи переформулировал субъектно-объектную проблему в проблему обоснования знания как такового, которую, в свою очередь, сформулировал как проблему схватывания опыта. Понятия, идеи, теории, по Дьюи, лишь средства, орудия, инструменты, «ключи к ситуации», «планы действия» субъекта, оцениваемые функционально. Отсюда функциональная концепция истины. Познание понимается как движение в направлении обеспечения реализации цели, задаваемой ситуацией. Основное отношение субъекта к миру — практическое заинтересованное, в силу этого снимается и противопоставление теоретической и оценочной деятельности. Путь к истине и путь к ценности идентичны [23, с. 296-297].

Уиллард Ван Орман Куайн (1908–2000) — американский философ и логик, является наследником американского прагматизма, считающим «концептуальную схему науки инструментом … для предсказания будущего опыта, исходя из прошлого опыта». Куайн сформулировал тезис «онтологической относительности»: онтология относительна той теории, интерпретацией которой она является [25, с. 163]. У. Куайн свою позицию характеризует как «научный реализм», стремясь подчеркнуть тем самым, что признание прагматических, исторических и мифологических оснований науки должно вести не к отказу от идеи научного знания, а к его подлинному пониманию [23, с. 595].

Приведенные концепции еще раз подтверждают, что в экономической теории не существует единого критерия оценки гипотез и теорий, необходимо учитывать вид теории, а также фактор времени. Для одних теорий на первый план выступает критерий правдоподобия, для других — практичности. В любом случае оценивается качество обоснования научной гипотезы и теории.

Экзистенциализм в методологии экономикс и его границы

Согласно кумулятивизму, развитие знания происходит путем постоянного добавления новых знаний к накопленным. Модель К. Поппера учитывает качественный аспект: новая теория обладает большей объяснительной силой, поэтому старая теория рассматривается как частный случай новой. Становится понятным высказывание Пирса о том, что наука — это живое и растущее тело истины. Антикумулятивизм Томаса Куна (1922–1995) представляет динамику науки как смену парадигм в ходе научной революции. Парадигма задает образцы, средства постановки и решения проблем («головоломок»). Парадигма — это то, что объединяет данное научное сообщество [10, с. 27-31]. Многие согласятся с тем, что исходной парадигмой в экономической науке стала классическая политэкономия. Считается, что Адам Смит (1723–1790) предметом экономической науки поставил экономическое развитие общества и повышение его благосостояния. Данный подход развивает и конкретизирует неоклассика, он ставит задачу выбора варианта эффективного использования ограниченных ре-

сурсов, как в целях максимизации прибыли, так и для удовлетворения потребностей как можно большего числа людей. Как и почему произошло такое изменение взглядов?

Для ответа на такой вопрос методологии Куна явно недостаточно. Модель Лакатоса позволяет уточнить характер изменений в теоретических конструкциях. В центре модели Имре Лакатоса (1922–1974) такая крупная фундаментальная единица, как научно-исследовательская программа, состоящая из «жесткого ядра» и защитного пояса вспомогательных гипотез, обеспечивающих сохранность жесткого ядра. Для Лакатоса научная революция — это рациональная реконструкция программы знания, а не обращение к новой вере [11, с. 275]. Считается, что на сегодня концепция научно-исследовательских программ Лакатоса является одним из лучших достижений в философии науки [7, с. 65].

Применительно к экономической теории жесткое ядро включает в себя предмет теории, базисные ценности и принципы. К ведущим ценностям в условиях капитализма относятся, прежде всего, частная собственность и свобода предпринимательства, поэтому изменения в жестком ядре теории могут быть связаны с изменением предмета теории и базисных принципов.

За классиками следует неклассика в образе марксизма. Закон абсолютного и относительного обнищания пролетариата как следствие необузданной наживы ставил вопрос о необходимости социальной революции. Классическое направление экономической науки находит силы изменить теорию, и это делает Дж. Ст. Милль, «Основы политической экономии и некоторые аспекты их приложения к социальной философии» которого выходят в свет в 1848 г. и потом еще полвека используются в качестве основы университетских курсов политэкономии [19, с. 75]. Социальный либерализм Милля подчеркивает значение прогрессивного законодательства, правительство должно брать на себя то, выполнение чего желательно для общих интересов людей и грядущих поколений, для текущих интересов членов общества, которые нуждаются в помощи со стороны. В Англии социальный либерализм и либеральный социализм (лейбористы) эволюционировали в направлении сближения друг с другом [22, с. 439]. Социальные аспекты экономической теории получили затем развитие в институционализме. Торстейн Веблен (1857–1929) указывал на систему неравного распределения благосостояния, считая, что подлинная наука должна заниматься «генетическим исследованием образа жизни». Вальтер Ойкен (1891–1950) ратовал за «экономический гуманизм», в основе которого частная собственность, открытые рынки, свобода сделок, ответственность и широкая социальная политика [8, с. 189]. Принципы социальной защиты и ответственности постепенно вошли в жизнь современного общества.

Под «маржиналистской революцией» можно понимать весь период формирования новой маржиналистской теории, от работ начала 70-х гг. XIX в. до ее окончательного признания, когда в 1902 г. в Кембриджском университете был впервые прочитан учебный курс новой теории — экономикс [19, с. 89]. Первоначально маржинализм на первый план ставил сферу потребления. Но потом предметом исследования вновь стало производство, что, как считают, определило сам термин «неоклассика» [19, с. 93]. На первом этапе маржиналисты отказываются от теории стоимости, но затем фактор затрат был включен в концепцию равновесной цены. Меняются взгляды экономистов на методологические основания экономической теории, предметом теории становится изучение способов эффективного использования ограниченных ресурсов, а базисными принципами — общепринятое понимание ограниченности ресурсов и необходимость выбора, рациональное поведение, сравнение предельных издержек и предельных выгод. Таким образом, маржинализм внес такие изменения в жесткое ядро экономической теории, которые позволяют говорить о парадигмальных изменениях в экономической теории.

Жесткое ядро окружено защитным поясом общепризнанных базисных теорий (рис. 2). Этот пояс обороны отражает критику откровенно противостоящих неоклассике теорий, а это критика как справа, так и слева, как со стороны марксизма, так и со стороны теорий ультра laisser faire. Например, что собой представляет принцип Парето, как не графическое отображение запрета на абсолютное обнищание пролетариата, а о возможности такой тенденции говорил еще К. Маркс. Пояс защитных теорий содержит и кумулятивно переработанные теории смешанного содержания. Яркий пример — поглощение кейнсианства. Дж. М. Кейнс — выдающийся экономист, его теория согласовывалась с Новым курсом, но «Общая теория занятости, процента

Рис. 2. *Неоклассика в открытом обществе (критика)*

и денег» (1936) не вошла в состав базисных теорий, а принцип участия государства в экономике не вошел в число базисных принципов. Теория Кейнса кумулятивно была поглощена «неоклассическим синтезом», считается, что кейнсианская теория отражает частный случай (состояние неполной занятости и недозагрузки мощностей) основной теории.

Исходя из такой конфигурации теорий, возникает вопрос, что же следует понимать под мэйнстримом. Если имеется в виду само слово «течение» (струя), то насколько данная метафора соответствует действительности? Ведь теории если куда-то текут, то только вглубь явления, чтобы оказаться над ним, и вширь, осваивая новые источники эффективности. Что касается взаимоотношения теорий, то это — конкурентная борьба. В критических столкновениях укрепляется пояс основных защитных теорий, рождаются новые теории, изменяются старые.

Пример тому — противостояние неоклассики и неоинституционализма. О. Уильямсон приходит к выводу о влиянии неполноты информации и оппортунистического поведения на превращение рыночной сделки во внутрифирменный контракт. А. Алчиан и Г. Демсец, основываясь на идеях Р. Коуза, утверждают, что для наилучшей работы рынка необходима четкая спецификация прав собственности. Поэтому главным условием успешного и быстрого развития экономики является существование эффективных институтов. В связи с развитием новых направлений экономического исследования и возникла методологическая проблема. Одна точка зрения расценивает новую институциональную теорию как обобщенную неоклассическую теорию, другие дают ей еще более высокую оценку, называя ее революцией в экономической мысли, считая, что она несовместима с ортодоксией и способна заменить ее [8, с. 657]. Если сформулировать проблему в контексте научно-исследовательских программ, то возможные варианты развития событий сводятся к следующим:

1) смена неоклассики новой научно-исследовательской программой;

2) обновление пояса защитных теорий, конструирование новых теорий и моделей, объединяющих новый и традиционный подходы;

3) модернизация научно-исследовательской программы, то есть обновление защитного пояса теорий, а также обновление и уточнение базисных принципов.

Неоиституциализм не ратует за отмену частной собственности и свободу предпринимательства, поэтому развитие событий по первому варианту отпадает. Второй вариант уже опробован, он, как следует из приведенных высказываний, реален и сейчас. Однако «конфронтация теорий» зашла слишком далеко. В. Коуз в лекции, посвященной присуждению ему Нобелевской премии по экономике, упрекает сложившуюся традицию в оторванности от жизни, назвав ее «экономической теорией классной доски», призывает к изучению институциальной структуры производства [8, с. 659]. Еще одно обстоятельство может повлиять на развитие теории. Д. Норт утверждает, что в ходе истории не происходит естественного отбора наиболее эффективных институтов, а проявляется «зависимость от пути». Структурные преобразования требуют больших затрат, а экономические выгоды трудно предсказывать. В цивилизованных странах ответственность проявляет правительство. Николя Саркози признает, что ультралиберальный капитализм себя дискредитировал, и миру нужна рыночная социальная модель [3, с. 7]. Поэтому можно ожидать поддержки со стороны государства альтернативных экономических исследований. Новые научные результаты, расширение объекта исследования, новые методы создания конструктивных теорий не могут не повлиять на изменение жесткого ядра неоклассики.

Итак, мы переживаем состояние смены научной парадигмы в связи с кризисными явлениями в методологии экономической теории. Можно ожидать разрешения методологического кризиса по третьему варианту предложенного сценария. Наряду с обновлением парка базисных теорий, видимо, как-то по-новому должны быть сформулированы базисные принципы. Речь может идти о более полной реализации принципа равных прав и возможностей, о новой редакции принципа ограниченности ресурсов, поскольку

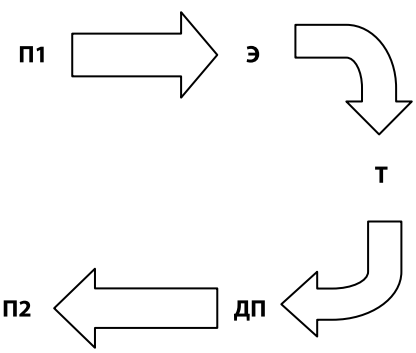
активно создаются новые материалы, о новой роли государственного управления в трансформационных преобразованиях. Можно сказать, что ожидается сдвиг научной методологии в сторону конструктивного реализма. Как и когда это произойдет, никто не знает, ибо смена парадигмы, как поясняет сам Кун, сродни переключению гештальта, а это всегда неожиданно.

Обсуждение судьбы неоклассики выходит за пределы теоретического формата. Возможно, это проблема больше американская, чем чисто теоретическая. Развивающимся же странам было бы неразумно не использовать рекомендации неоинституционалистов. Поэтому возможна модель и экономической теории с национальной спецификой.

Активная методология как средство повышения плодотворности экономической теории

Между теорией и практикой — искусство управления. Руководители центральных банков, финансовых органов, правительств знают содержание тех или иных экономических теорий, но принимаемые управленческие решения учитывают рекомендации различных, подчас противоборствующих, теорий. Обобщенно схема, по которой протекает познавательная деятельность, приведена на рис. 3 [2, с. 359].

Но что может означать «продвижение в практике»? Рухнули многие ценности, но если поставить цели текущей эффективности на первый план, то какое общество нас ожидает завтра? Такой вопрос задается не только философами. Известный экономист В. Г. Пуляев определяет гуманизм как сущностное содержание цивилизованного развития человечества. Рынок должен быть справедливым и гуманным. И только тогда общество будет не деградировать, а развиваться [17, с. 378].

П1 – исходный рубеж практики

Э – эмпирическое знание

Т – теоретический уровень познания

ДП – духовно-практическое звено познания

П2 – новый уровень практики

Рис. 3. *Значение теории в практической деятельности*

Эта здравая мысль не для всех является очевидной. Хотя еще А. Маршалл указывал, что экономическая наука имеет дело главным образом с человеческими существами, которые вынуждены двигаться по пути прогресса и осуществлять перемены, что бы они с собой ни несли [14, с. 53]. Поэтому главную задачу экономической науки он видел в содействии решению социальных проблем [14, с. 100]. Экономические законы и законодательство, считает ученый, служат лишь частью того материала, который человеческому сознанию и здравому смыслу приходится использовать при решении практических проблем и выработке правил, могущих ему служить руководством к жизни [14, с. 45].

В этой связи Маршалл говорит о нормальном поведении хозяйствующих субъектов, которое может отклоняться от ожидаемого, от идеалов нравственности в силу несовершенства человека. Мысль о нормальном поведении, о нормальных ценах и контрактах, кстати, мы находим и у Ч. Пирса. А. Маршалл свидетельствует о распространении ошибочных представлений об основателях экономической науки, для которых права собственности не были предметом поклонения. Призыв «не навреди» актуален и для экономистов. Какой посыл несет выражение «рыночная экономика» в нашей стране, видно из диалога: «Почему низкая заработная плата в нашей стране? — Ну, как же, это очень просто. Целью рыночной экономики является прибыль, прибавочную стоимость создает рабочий, значит, зарплата должна быть низкой». Марксовы абстракции бумерангом бьют по трудящимся посредством той же фальсификации учения.

Создатели учебников оказываются перед лицом сложных выборов и высокой ответственности. Как все-таки представить предмет экономической теории, какой функции отдать предпочтение? К. Р. Макконнелл и С. Л. Брю декларируют «всестороннее объяснение на приемлемом уровне» (своего рода иллюстрация рационального выбора). Но чем плоха установка на всестороннее и экономичное описание? Или

все-таки делать акцент на практической функции экономической теории? Тогда во главу угла можно будет поставить проблемы экономики нашей страны, а не загонять эти проблемы в последний параграф главы (да и то — далеко не каждой). Понятно, что логика работы — это не просто перечисление глав, а объяснение выбора основных разделов, последовательность усвоения материала и описание конечного результата — того, что пользователь будет понимать.

Средством достижения объективности является единство предмета и метода экономической теории, учет лучших достижений экономической мысли, задачи развития национальной экономики. Еще Маршалл отмечал, среди прочих, что предметом исследования экономической науки являются главным образом те побудительные мотивы, которые наиболее сильно и наиболее настойчиво воздействуют на поведение человека в хозяйственной сфере его жизни [14, с. 69]. К. С. Айнабек, рассматривая разные точки зрения в отношении понимания предмета экономической теории, определяет родовое экономическое явление как хозяйствование [1, с. 112]. Отсюда следует, что часто используемое определение предмета экономической теории как изучение взаимодействия хозяйствующих субъектов в процессе производства и потребления общественных благ должно быть дополнено словами: в целях повышения эффективности и ценности такого взаимодействия и процессов. Такая формулировка предмета может помочь избежать многих проблем.

Все, чем мы располагаем, говорит Юрген Хабермас (р. 1929), так это подтвержденный ошибками процесс [23, с. 781]. Значит, продвигаясь к зрелости, решая прогрессивно растущие проблемы (Лакатос), нужно минимизировать ошибки, и это достигается только посредством рациональных коммуникаций, условием которых является представление лучших аргументов и стремление к пониманию. В результате и возникают новые традиции. Фейерабенд стремится показать, что рациональность — это не стандарты, а одна из многих традиций [27, с. 7].

Словосочетание «экономия ограниченных ресурсов» оказывает мощное воздействие на формирование мировоззрения и общественное сознание. Но сегодня этого недостаточно. Нам также нужна действительно активная методология экономической науки. Изменения должны быть кардинальными. В той же Америке в свое время был в моде Жан Батист Сэй (1767–1832), а ведь его «производство создает спрос» формирует мощный энергетический посыл, который не мог не повлиять на создание самой мощной экономики. Решение задач экономического роста не должно заслонять и социальные проблемы. Французский философ, социолог и культуролог Жан Бодрийяр (1929–2007) критикует постмодернистский проект за его инертность, нигилизм, отсутствие теоретических якорей [23, с. 927]. По мнению Бодрийяра, объект становится единством знака и товара, реальность отчуждается, политэкономические формулы стоимости перестают работать в мире диктатуры знака, идеологический дискурс колонизирует все уровни знакового кода, торжествует симулякр [23, с. 918].

С учетом этого нужно определиться с выбором ведущей функции, обоснованием логики учебного пособия, описанием целей и ожидаемых результатов.

Средством достижения объективности могла бы послужить так называемая янусианская установка. То, что мир антиномичен, философы знали давно. Результаты отдельных исследований в среде ученых-естествоиспытателей показали, что все большее распространение получает янусианское мышление — одновременное восприятие прямо противоположных, казалось бы, исключающих друг друга идей, образов, представлений. Такая установка поможет избежать ненужных противопоставлений. Например, и рынок, и государственное управление, а не противопостановление одного в ущерб другому. Рассматривая конкуренцию товаропроизводителей, нужно не забывать и о солидарности и т. д. При этом одна сторона выступает на первый план, другая составляет фон, контекст. Экономическая теория не изучает специально культуру, менталитет и т. д., но они образуют фон, без которого образ теряет целостность.

Контекст изложения проявляется и в расстановке акцентов при изложении материала, постановке тех или иных проблем. Так, Д. Ю. Миропольский на протяжении многих глав учебника [18] прослеживает положение пионерных и базисных отраслей, соотношение плана и рынка. Такой прием создает новые смыслы, новое содержание. К важнейшим вопросам относятся отношения собственности, формы государственного регулирования экономики, этика предпринимательства. Так, для А. Маршалла, как по-

казывает И. Е. Рудакова, основным институтом рынка является свобода предпринимательства, а не конкуренция [20, с. 174]. Значит, основная задача государства — создание благоприятной среды для развития предпринимательства. Но какого предпринимательства?

Экономическая теория, как ее не назови, остается и политической наукой. Если программа минимум — «не навреди», то программа максимум — «создать мир нормальной экономики». Теория рынка свободного предпринимательства и рационального выбора — это во многом идеализированная реальность, но изменить этому идеализированному образу, образу рационального поведения хозяйствующего субъекта, — означает отказаться от экономической теории. Эффективный собственник не падает с неба, экономическая теория «с национальной спецификой» должна содействовать становлению цивилизованного хозяйствующего субъекта.

Список источников

1. *Айнабек К. С.* К вопросу о предмете теории общественного хозяйствования // Проблемы современной экономики. — 2008. — №3.

2. *Алексеев П. В., Панин А. В.* Философия : учебник; 4-е изд., перераб. и доп. — М.: ТК Велби; Проспект, 2007. — 592 с.

3. *Богомолов О.* О воздействии глобального экономического кризиса на общеисторические взгляды зарубежных и отечественных реформаторов // Российский экономический журнал. — 2010. — №8.

4. *Бунько В. А.* Пути к теории Ч. Пирса и К. Поппера // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. — 2010. — №2. — (Философия).

5. *Бунько В. А.* Гипотеза как гештальт // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. — 2010. — №4. — (Философия).

6. Деньги, банковское дело и денежно-кредитная политика / Долан Э. Дж. и др.; пер. с англ. В. Лукашевича и др. — М.: Профико,1991. 448 с.

7. История и философия науки. Философия науки : учеб. пособие; 2-е изд., перераб. и доп. / Е. Ю. Бельская [и др.] ; под ред. проф. Ю. В. Крянева, проф. Л. Ю. Моториной. — М.: Альфа-М; Инфра-М, 2011. — 416 с.

8. История экономических учений : учеб. пособие / Под ред. В. Автономова, Р. Ананьина, Н. Макашевой. — М.: Инфра-М, 2008. 784 с. (Высшее образование).

9. *Канке В. А.* Философия экономической науки : учебное пособие. — М.: Инфра-М, 2007. 384 с. (Высшее образование).

10. *Кун Т.* Структура научной революции // Структура научной революции : пер. с англ. / Сост. В. Ю. Кузнецов. — М.: ООО «Издательство АСТ» 2003. — 784 с.

11. *Лакатос И.* Фальсификация и методология научно-исследовательских программ // Структура научных революций : пер. с англ. / Сост. В. Ю. Кузнецов. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. — 784 с.

12. *Лекторский В. А.* Конструктивизм и реализм в эпистемологии // Философские науки. — 2008. — №3.

13. *Макконнелл К. Р., Брю С. П.* Экономикс: принципы, проблемы и политика : пер. 16 гл. англ. изд. — М.: Инфра-М, 2006. 940 с.

14. *Маршалл А.* Принципы экономической науки : пер. с англ. Т. 1. — М.: Прогресс, 1993. — 416 с. — (Экономическая мысль Запада).

15. *Милль Дж. Ст.* Основы политической экономии: пер. с англ.; в 3-х т. Т. 1 / Общ. ред. А. Г. Милейковского. — М.: Прогресс, 1980. — 496 с. (Экономическая мысль Запада).

16. *Норт Д.* Понять, как устроено общество и как оно изменяется // Вестник СПбГУ. — 2007.– №1. — (Экономика).

17. Основы современной философии : учебник для вузов; 4-е изд., доп. — СПб.: Лань, 2002. — 384 с. — (Учебник для вузов. Специальная литература).

18. Основы теоретической экономики / Под ред. Д. Ю. Миропольского: учебник. — СПб.: Изд-во СПб ГУЭФ, 2008. — 452 с.

19. Покидченко М. Г., Чаплыгина И. Г. История экономических учений: учеб. пособие. — М.: Инфра-М, 2008. — 271 с.

20. *Рудакова И. Е.* Насколько либеральна либеральная экономика? // Философия хозяйства. — 2010. — №3.

21. *Светлов В. А.* История научного метода : учеб пособие для вузов. — М.: Академический проект «Деловая книга», 2008. — 700 с.

22. *Скирбекк Г.* История философии: учеб. пособие для студентов вузов : пер. с англ. В. К. Кузнецова; под ред. С. Б. Крымского. — М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 2008. — 799 с. — (Учебное пособие для вузов).

23. Современная западная философия: учеб. пособие / В. Л. Абушенко [и др.]; под ред. Т. Г. Румянцевой. — М..: Книжный дом, 2009. — 1024 с.

24. Современная философия науки: хрестоматия / Сост., пер., вступ. ст. А. А. Печенкина. — М.: Наука, 1994. — 254 с. — (Обновление гуманитарного образования в России).

25. Философия науки: учеб. пособие / Под ред. А.Н. Липкина. — М.: Эксмо, 2007. — 606 с. (Образовательные стандарты XXI).

26. Философия науки в вопросах и ответах: учебное пособие для аспирантов / В. П. Кохановский [и др.]; изд. 5-е. — Ростов н/Д.: Феникс, 2008. — 346 с. (Высшее образование).

27. *Фейерабенд П.* Наука в свободном обществе : пер. с англ. А. Л. Никифорова. — М.: АСТ Москва, 2010. — 378 с. — (Philosophy).

УДК 330.1

ключевые слова: факты, метод, экономика, философия, гипотеза, теория, оценка